

С.А. ПОПОВА

**ТРАДИЦИОННЫЙ ПРАЗДНИК МАНСИ
УРИНЭКВА ХОТАЛ 'ВОРОНИЙ ДЕНЬ'**

В последнее десятилетие этнографические исследования коренных народов Севера приобретают новые качества, и связано это в первую очередь с тем, что у самих этих народов появился интерес к собственной истории и культуре. Возникла также потребность в проведении традиционных обрядов и праздников как наиболее важных социальных механизмов, посредством которых регулируются и "одушевляются" общие нормы и ценности народа, от которых в первую очередь зависит сознание национального единства. Многие из таких ритуалов сохранились в культуре манси. Среди них и обско-угорский праздник *Уринэква хотал* 'Вороний день'. Нужно отметить, что многолетний запрет на проведение традиционных праздников привёл к утрате его целостности, поэтому ныне живущее поколение помнит только фрагменты этого праздника. Тем не менее, по полевым материалам можно реконструировать его основные моменты.

В этнографической литературе имеется несколько публикаций по угорскому празднику, отмечаемому в день прилёта ворон. Однако вопрос о его характере и сущности до сих пор изучен недостаточно.

Публикацией данной работы ставятся задачи введения в научный оборот новых материалов о мансийском празднике *Уринэква хотал* и демонстрации некоторых новых возможностей их исследования. Статья основывается на полевых материалах, собранных автором в национальных деревнях Берёзовского района с 1993 по 2000 гг.

Существенным и неотъемлемым признаком праздника является его сакральность. Идея сакральности в 'Вороньем празднике' подчёркивается тем, что сами манси этот день называют не просто *Уринэква хотал* 'Вороний день', а *Сянь хотал* 'Матери день', *Пойксян Сянь хотал* 'День просьб (поклонения) Матери', *Пойксян ялпынг Сянь хотал* 'Священный день просьб (поклонения) Матери'.

В системе верований манси существует вера в Верховного, Небесного Бога *Нуми Торума*, который сотворил мир, а затем устранился от мирских дел. С миром людей он общается через духов-посредников. В молитвах к нему обращаются *Торум Ась* 'Бог Отец', но это не значит, что люди его считают своим отцом, это скорее уважительное обращение к творцу мира. В мифах о творении *Торум Сянь* 'Богиня Мать' или 'Небесная Мать' совместно с создателем *Нуми Торумом* выступает дарительницей жизни и определительницей человеческих судеб. Место ее обитания – Верхний мир, мир богов. Следует отметить, что у манси вера в богов занимает важное, но не главное место, поскольку к ним напрямую обращаются очень редко. Ближе к человеку находится мир духов, выступающих посредниками между миром богов и миром людей. В системе верований манси именно вера в духов играет доминирующую роль.

Предки манси верили в существование некой магической силы, которая влияет на всё и вокруг которой всё вертится. Их представления основывались, видимо, на вере в существование неких изначальных таинственных сил, которым они поклонялись. Примечательно, что одной из первых таких сил была женщина *Сянь* 'Мать'. Образ женщины-матери связан с важнейшими событиями в жизни человека – рождением и смертью. Женщина видела в себе часть природы, часть тех мистических, тёмных, непостижимых и волнующих сил, которые порождают жизнь и смерть, и потому она стала посредником между этим и тем миром.¹ В реальной жизни все существующие запреты для мансийской женщины исходят именно из представлений об опасности соприкосновения со сверхъестественной силой *иксям*, которую таит в себе женщина.

Согласно ритуальной традиции манси, для появления детей и помощи при родах нужно обращаться не к *Торум Сянь*, 'Богине Матери' или 'Небесной Матери', а к духу-предку *Сянь* 'Мать' (Прародительница). Её представляют в виде старой седой женщины, которая обладает способностью продолжения рода человеческого и посылает людям детей, помогает при родах. Дух-предок *Сянь* можно отнести к наиболее значительным из духов. В силу особого ее почитания в молитвах, обращенных к ней, употребляли эпитет *Сорни* 'Золотая'. Именно он породил множество

Попова С.А.

легенд о вогульском духе “Золотая баба”, который был известен в литературе еще до появления христианских миссионеров.

В фольклорной традиции функциями *Сянь* наделена почитаемая уграми *Калтась*, одно из имён которой – *Сянь* ‘Мать’. В её призывной песне поётся: “... священное место богини *Калтась* у семи берёз, выросших из одного корня, ... она живёт, делая на палке зарубки (сроки) жизней девочек, (сроки) жизней мальчиков.*Калтась* посылающая девочек, посылающая мальчиков людям, появилась дуновением тёплого ветра. Пусть с ней останется благословение, наполненное девочками, наполненное мальчиками”ⁱⁱ.

Однако *Калтась* можно соотнести и с *Торум Сянь*. В Священной сказке о возникновении земли говорится о том, “что женщина, проживающая на торфяном клочке, завершив свои важные дела на планете Земля – родив сына-человека и вырастив его, [мать] говорит своему сыну, что она и его отец будут жить на Небесах. Отныне она будет называться *Калтась*, а ее муж - *Торум*”.ⁱⁱⁱ Сходные черты и функции можно объяснить совмещением и наложением образов в более поздних религиозных традициях, а также относительной самостоятельностью ритуальной и фольклорной традиций.

Учитывая религиозные воззрения манси и особую связь вороньего праздника со сферой сакрального, можно предположить, что его основу составляют магические действия, связанные с религиозными представлениями о духе-предке *Сянь* ‘Мать’. Этот праздник представляется как день поклонения духу *Сянь* ‘Мать’ и связан со стремлением к семейному благополучию, с продолжением человеческого рода, со здоровьем и достойным будущим детей.

По традиции, обряд проводится ежегодно весной во время прилёта ворон. В прошлом его проводили не по календарному числу, а при виде прилетевших с юга первых ворон. Единственным и обязательным его условием было новолуние. После христианизации обских угров их религиозно-культовые праздники стали совпадать с календарными православными. Вороний день слился с Благовещеньем, отмечаемым 7 апреля (23 марта). Считается, что именно в этот день Дева Мария получила благую весть о рождении сына - Бога. Перенос даты проведения обряда

Уринэква хотал 'Вороний день'

на постоянное календарное число никак не повлиял на сакральную часть обряда.

Традиционно обряды в честь особо почитаемых духов-предков манси проводят на специально выбранных местах, которые считаются священными – *ялпынг*. Обычно женщины на них не допускаются. На обряде же поклонения духу *Сянь* 'Мать' присутствуют только женщины и девочки до наступления регул, поскольку только они максимально причастны к сакральной сфере данного обряда. Туда никогда не ходят мужчины, юноши, мальчики, это место считается священным женским.

По сообщениям информантов, в прошлом данный обряд проводился на кладбище мёртворождённых детей, там же "хоронили" и "детское место" (послед) *сянь*. Родившегося мёртвым или умершего в первые дни жизни ребёнка манси хоронят не на общем кладбище, а в лесу в дупле дерева. Они верят в то, что невыжившие дети могут навлечь неприятности и даже беду на живых. Но неприятности можно отвести, если добиться расположения духа. Для этого производятся специальные магические действия.

Во-первых, за души мёртворождённых нужно молиться. Слово "молитва" у манси служит выражением необходимой именно для этого случая ритуализованной речи, которая заключается в обращениях и просьбах. Например, *Сянь* просят о том, чтобы души мёртворождённых и умерших младенцев не обижались и не насылали беды на живых растущих детей, чтобы каждого живого ребёнка взял под свою защиту один из духов-покровителей *пунгке мохлаве*. (Одна из функций духа *Сянь* – определять каждому младенцу духа-покровителя.)

Во-вторых, нужно совершить жертвоприношение *йир*. В качестве жертвы может выступать только животное женского пола. *Йир* совершал мужчина до начала обряда, затем его угощали и он уходил. Присутствовать на обряде ему запрещалось, за нарушение могли наказать духи. Все остальные ритуальные действия проводила специально избранная (посвящённая) пожилая женщина *няйтнэ*.

Символично, что на деревья неподалеку от места жертвоприношения подвешивали берестяные кузовки *сянь паюп* ('кузов матери'), внутри которых находились последы *сянь* 'мать'^{iv}.

Попова С.А.

“Похороны” последа сопровождались своеобразным посвятельным ритуалом.

Проведение ритуала на кладбище мёртворождённых детей и детей умерших в первые дни после родов свидетельствует о его архаичности. Следует также отметить, что до сих пор самые древние обряды, связанные с рождением и смертью человека, проводит женщина.

Кладбище мёртворождённых детей – священное женское место – имеет статус, равный мужскому священному месту. Во время его посещения не разводят костер для приготовления поминальной пищи (её приносят с собой), что не соответствует нормам посещения кладбища во время поминок или похорон. Возможно, это очень архаичный обычай. Когда-то женщине, которая не могла понять причину смерти её ребёнка, представлялось, что если умиловить духов, дающих и забирающих детей, с другим ребёнком уже ничего не случится. Единственным жертвованием, которое она могла “предложить” духу, было животное, вернее, пар, который шёл от свежей туши. Мясо затем съедалось сырым (что тоже традиционно). Запрет на разжигание огня на кладбище как символ архаичности обряда, возможно, относится к тому времени, когда люди ещё не знали огня или очень его берегли.

Со временем представления видоизменялись, в ритуале появился огонь, однако символична информация о запрете разводить костер на кладбище мёртворождённых детей якобы потому, что ребёнок слишком мал и не может ни разводить огонь, ни есть ничего горячего^v. (К огню как одному из специфических символов данного ритуала мы ещё вернёмся.)

В более поздней религиозной традиции обряд поклонения духу-предку *Сянь* начал проводиться на священном женском месте недалеко от деревни. К нему готовились заранее. Всю зиму собирали содержимое детских колыбелей – мягкую древесную стружку *сан* или мягкую шерсть с шеи оленя – в специально сделанные коробы из бересты *сан*. Таких коробов в семье было несколько. Обычно они хранились в домике, предназначенном для рожениц *мань кол* (‘маленький дом’) или рядом с домом около дров. К дню прилета ворон *сан* ссыпали в одну кучу *сан аня* (‘куча с содержимым из колыбелей’). Их делали в определённом месте, чаще всего около маленькой растущей ели отдельно для

Уринэква хотал 'Вороний день'

каждой семьи. Ссылая *сан*, приговаривали: “Как растёт ёлочка, пусть также мой сын (моя дочь) растёт”. Считается, что поджигать такую кучу нельзя, иначе дети могут обжечься.

На месте, где проводился обряд, варили мясо новорождённых животных (телёнка, жеребёнка, оленёнка) в разных котлах: для детей – в маленьких, для взрослых – в больших. Мясо готовили только на улице над костром, на приготовление в доме существовал запрет. Сваренные внутренности (сердце, лёгкие, печень) ели отдельно только женщины. Кишки собирали в одну кучу в сторонке, они предназначались для ворон. Кости не разбрасывали, а закапывали в землю.

Подношения духу-предку в этот день могли быть разными: животное *йир*, просто еда *пури*, приклады, подарки. Жертвенное животное обязательно должно было быть женского пола *нэ мис* ‘корова’, *нэ салы* ‘самка оленя’. Если самка оказывалась стельной, то нерожденного телёнка *каккыр тивыр пасыг* ели только самые пожилые женщины.

Кроме мяса готовили чай и *соламт* (густо заваренная крупа на мясном бульоне). Разливали семь чашечек с чаем и семь тарелок с *соламт*, затем ставили их под семь деревьев. Еда должна была быть горячей, чтобы от неё шёл пар, так как, по представлениям манси, поднимающийся вверх пар и есть угощение для духа. Пока выходит пар, совершали такую церемонию. Женщина-руководитель обряда произносила ритуальную речь, в которой обращалась к духу-предку *Сянь* ‘Мать’ как защитнице от болезней и подательнице детей с просьбами о рождении, чтобы род не прекращался, а постоянно пополнялся мальчиками и девочками; об их здоровье и о благополучных родах. Затем все присутствующие делали поворот по солнцу и три поклона. Все действия повторяли трижды. За это время еда остывала, чай выливали под дерево, а *соламт* съедали присутствующие.

Обязательным действием было подвязывание на ветки деревьев полосок ткани *арсын*. Каждый должен был привязать к дереву семь таких полосок с заранее завернутыми в них монетами. Взрослые повязывали их на большое дерево, а дети – на маленькое, растущее. В качестве подарка для духа жертвовали также красивый женский платок или семь связанных за концы платков, которые подвешивали на ритуальное дерево. Прежде чем вывесить на дерево полоски ткани и платки, проводили ритуал

Попова С.А.

очищения: окуривали их дымом от чаги *сос*. По словам информантов, “чистые быстрее дойдут до духа, а если не очистить – тяжелые и могут застрять по дороге”. В данном случае, видимо, подношения в виде еды, полосок ткани и платков символизируют жертвенное животное, которое перед приношением обязательно очищают окуриванием дымом от чаги. Число 7 в знаковой системе – сакральное, в отношениях с вещами оно усиливает их значимость. Семь жертв приносят наиболее значимым духам, например, духу-предку *Калтась*.

Символами данного ритуала выступают также выбранные его участниками деревья. Ели олицетворяют растущего ребёнка, а берёза (информанты называют её чаще всего) или сосна символизируют женственность, материнство, связь матери с ребёнком.

Одно из действий ритуала – обращение к духу огня. Около костра ставили берестяные чашечки с едой *аны* и рюмку с вином. Пока выходит пар, произносили ритуальную речь и делали повороты с поклонами. Затем в костер из рюмки отливали несколько капель вина, остатки отдавали женщине, проводящей обряд. Еда же (после выхода пара) съедалась всеми присутствующими на обряде.

Обращение к духу огня в ритуальном контексте сохраняет специфическую структуру ритуала. Огонь как домашний очаг имеет чисто практическое значение, а как символ очищающей и целительной силы, покровителя семьи – сакральное. Его называют ласково детским языком *тяк аквув* ‘бабушка’. Он представляется одушевлённым, у него есть дети. Так, прежде чем приступить к шитью, женщины обязательно кладут в огонь лоскуток ткани со словами: “Пусть твои детки поиграют”. По религиозным представлениям манси, дух огня отвечает за голову, поэтому если у человека помутится разум, то вылечить его можно только с помощью огня. Считается, что с головой никогда ничего не случится, если дух огня возьмёт её под защиту *пунгке мохлаве*. Поскольку от здоровья каждого человека зависит полноценность всего народа, а духов покровителей определяют в младенчестве, то и обращение к духу огня с просьбой взять под своё покровительство каждого родившегося ребёнка в данном ритуале символично.

Кого же олицетворяет в данном празднике ворона? По некоторым этнографическим материалам, она – одна из ипостасей

Уринэква хотал 'Вороний день'

мифического духа предка, ибо “у птицы родится два ребёнка – один воронёнок, другой человек”.^{vi} Если предположить, что она – ипостась духа-предка *Сянь*, то в этом качестве она вписывается в сакральную мотивировку праздника и может выступать покровительницей женщин и детей. Представления о духе-предке, связанные с птицей, несомненно, архаичнее.

По более поздним представлениям, вороны – это завязки родильного платья-халата *тор сахи кенынг* Торум Сянь (‘Богиня Мать’). Священные предметы, в данном случае завязки родильного платья-халата *Торум Сянь*, служат для усиления значимости духа. Здесь ворона представляется как посредник между очень высоким по значимости духом и людьми.

Обычно перед родами мансийская женщина надевала платье, разорванное сверху до низу (подобие халата). Чтобы полы не расходились, пришивали завязки. Считается, что в этот период надевать или снимать платье через голову “опасно” (*иксям*). После родов это платье-халат женщина никогда не надевала, его уносили в лес.

Согласно традиционным представлениям манси, вороны как первые прилетающие с юга *Мортым ма* птицы и как посредники духа-предка *Сянь* приносят людям вести о рождении детей. Кучки из таловых стружек и оленьей шерсти, собранные из детских колыбелей, являются, якобы, первым пристанищем для прилетевших с юга ворон. Сидя на них, птицы отогревают замёрзшие лапки. В мансийских песнях о вороне подробно рассказывается о путешествии вороны из страны *Мортым ма* до Сибири и о её желании: “... за много дней до моего появления, за много дней моего перелёта, счастливые женщины, счастливых мальчиков-девочек пусть заимеют, пусть (в колыбельке) качают. На кучки (*сап анянылн*) приземлюсь. С дальних мест шедшие ручки отогрею. С дальних мест шедшие ножки отогрею (букв. растоплю)”.

Основу данной части праздника составляет ритуал со специфическими символами (словами, объектами и действиями), выражающими важные темы в культуре народа манси. По мнению Н.С. Попова, дух-предок *Сянь* ‘Мать’ “в глазах верующих выступает олицетворением животворящего, стабилизирующего и объединяющего начала, хранительницей семьи, защитницей всего живого, гарантом стабильности, здоровья и благополучия, основой нравственности”.^{vii}

Попова С.А.

Возникновение обряда уходит корнями в далекое прошлое. Особенности ритуального поведения, передача информации о важнейших ценностях, связанных с женским началом, говорят о важности ритуальных действий во время Вороньего дня.

Праздник имеет в своей “программе” не только элементы, связанные с женским началом, что соотносится с памятью “о первоначальных временах”. В нём отражены и явления жизненного цикла – рождение, инициация, брак, смерть. Например, переход ребёнка из внутриутробного состояния в земное *усь самын патым няврам*; переход девочки в статус девушки, имеющей право выходить замуж и рожать детей. Последнее связано с представлениями о вороне как птице, приносящей девочкам регулы (прилёты и отлёты вороны символизируют цикличность регул).

В прошлом этот праздник, видимо, отмечался в течение не одного, а нескольких дней (многодневность является одним из признаков универсальных праздников). Первый день – женский, второй – общественный, в нём участвуют все члены коллектива. Универсальный характер и наибольшую сакральность имеют праздники годового цикла, особенно те, которые происходят в момент, рассматриваемый как критический, на переходе от старого года к новому. В традиционном календаре манси год разделён на две части – зиму и лето, а весна и осень считаются переходными (подготовительными) периодами и соотносятся с началом нового года. В первую очередь это, видимо, связано с традиционными видами промыслов – зимней охотой и летней рыбалкой. К апрелю заканчивался сезон охоты и начиналась подготовка к летнему рыболовному сезону, когда рыбу заготавливали на весь год. О важности летнего рыболовного периода говорит тот факт, что на это время существовало множество запретов, в том числе и запрет на рассказывание сказок. “Сказки нельзя рассказывать с момента прилёта ворон и до момента их отлёта. Если кто либо нарушит этот запрет, то его голова покроется паршой (говорили: ворона нагадила на его голову)”.^{viii} В таком контексте ворона выступает как знак годового цикла и является основным символом второй части (второго дня) праздника.

Вторая часть праздника проводилась не на священном месте, а на поляне или на берегу реки. Она включала полный набор элементов праздничных действий: ряженье, игры, песни,

Уринэква хотал 'Вороний день'

танцы, шутки, смех, балагурство, гадания, загадки, игру на музыкальных инструментах. Обязательным в программе праздника были спортивные состязания.

По словам информантов, “на празднике нужно много веселиться, много шуметь”. Это символизирует шумное поведение ворон в природе. Женщины накануне выпекали из теста фигурки животных и сдобу. Специально готовились круглые пряники, цвет которых должен быть красным, для чего в тесто добавляли сок от ягод брусники и клюквы. Форма и цвет пряников – символ солнца. Ими угощали детей. На месте проведения праздника накрывали столы: мужской и женский. Для танцев и спортивных состязаний оставляли свободную площадку.

Самое активное участие в празднике принимали дети. Ещё с вечера готовили из сена корзинки, напоминающие по форме птичьи гнёзда, и выставляли их на своё крыльцо. В день праздника их растаскивали. Считалось, что кто больше соберет таких “гнёзд”, тот летом будет самым удачливым в сборе утиных яиц. В этот день детям приходилось вставать очень рано, чтобы “гнезда” не забрали другие. (Действия детей символизируют вороватый характер ворон.) Детей с утра отправляли посмотреть, где на дереве сидит ворона: если на макушке дерева – вода будет большой, а если на ветвях в середине дерева – вода будет нормального уровня. Детям загадывали загадки, в том числе и про ворону, приговаривая: “ворон нельзя обижать, они ваши тётушки”. Девушки в этот день ходили к женщине *няйтнэ*, которая гадала, выйдут ли они в этом году замуж.

Сейчас праздник утратил свой статус, хотя отношение к нему как к чему-то сакральному *ялтын хотал* ‘священный, сакральный день’ остается.

В настоящее время энтузиасты из числа национальной интеллигенции пытаются восстановить данный праздник. В 1992 и 2000 гг. “Вороний день” проводился в хантыйском селе Теги, в 1994 и 1999 гг. – в мансийском селе Сосьва. Восстановление праздника в полном объёме вызывает определённые сомнения, при том, что для сохранения традиционной культуры в новых условиях – как адаптивный механизм, облегчающий принятие нового – ритуал, на наш взгляд, необходим.

Попова С.А.

Примечания

ⁱ Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990, с.17.

ⁱⁱ Мансийский фольклор в записи В.Н. Чернецова. Краткое содержание текстов на русском языке подготовлено Е. Шмидт. 1985. 122. *Калтась эрыг* 'Песня Калтась', с.98-99.

ⁱⁱⁱ Ромбандеева Е.И. Мансийские (вогульские) сказки и их особенности // Финно-угроведение, 1997, №1, с.91.

^{iv} Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993, с.96.

^v Там же, с.99.

^{vi} Новикова Н.И. Празднично-обрядовая деятельность как этнографический источник (к проблеме этнокультурных контактов обских угров) // Проблемы изучения традиций в культуре народов мира. Вып.2. М., 1990, с.100.

^{vii} Попов Н.С. На марийском языческом молении // ЭО, 1996, №3, с.140.

^{viii} Ромбандеева Е.И. История народа манси... С. 29.